

**РЕМИНИСЦЕНЦИИ ИЗ ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ И НРАВСТВЕННЫЙ
ПАФОС ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»
REMINISCENCES FROM THE PARABLE OF THE PRODIGAL SON AND THE MORAL
PATHOS OF THE STORY BY A.S. PUSHKIN «THE STATIONMASTER»**

Аннотация: В статье рассматриваются библейские реминисценции в повести «Станционный смотритель», их роль в формировании и выражении смысла и нравственного пафоса повести.

Abstract: The article examines biblical reminiscences in the story «The Stationmaster», their role in the formation and expression of the meaning and moral pathos of the story.

Ключевые слова: Притча, реминисценция, нравственный пафос.

Keywords: Parable, reminiscence, moral pathos.

Термин «интертекстуальность» был впервые введен в 1967 году Юлией Кристевой, представителем постструктурализма, исследователем истории и теории русского формализма и трудов М. М. Бахтина. Ю. Кристева определяет текст как переплетение и взаимодействие различных текстов и кодов, которые изменяют друг друга до такой степени, что их трудно узнать [2, с. 443]. Основы понятийной базы интертекстуальности были заложены в трудах ученых, таких как В.В. Виноградов, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, М.М. Бахтина и других, уже в 20-х годах XX века. Интертекстуальность в более широком смысле представляет собой наличие связей между текстами, при создании нового текста из элементов других произведений и установлении своеобразного диалога с ними.

Интертекст играет ключевую роль в обогащении семантико-стилистических аспектов художественного произведения и его интерпретации, поскольку «основой текста является не только его внутренняя, закрытая структура, поддающаяся исчерпывающему анализу, но и его взаимодействие с другими текстами, кодами и знаками» [1, с. 158]. Исследование художественного текста через призму теории интертекстуальности открывает новые перспективы для понимания языковой картины мира писателя, его индивидуального стиля и роли произведения в контексте мировой литературы.

По мнению В.Е. Хализева, реминисценция – это воплощение литературных образов в контексте литературного произведения [4, с. 78].

В повести «Станционный смотритель» А.С. Пушкина библейские реминисценции выражены через использование евангельской притчи о блудном сыне (Лк. 15). Библейская притча выступает в качестве фундаментальной основы для формирования смысла текста, выступая как элемент, определяющий структуру произведения и являясь неотъемлемой частью процесса его интерпретации. Автор внедряет ее на различные уровни повествования, включая сюжетно-композиционный, смысловой и словесный. Это демонстрирует высокую степень насыщенности повествования прецедентным содержанием.

Заголовок повести, «Станционный смотритель», и эпиграф с фразой «Коллежский регистратор, почтовой станции диктатор», направляют внимание читателя на тему «маленького человека». Автор развивает эту тему, опираясь на жизненную историю главного героя, Самсона Вырина, станционного смотрителя, и акцентирует внимание на несправедливости общества в отношении к человеку с небольшим чином, небольшим жалованьем – пренебрежение, высокомерие, утверждение собственного превосходства.

Автор переосмысляет притчу о блудном сыне с целью оправдать и повысить социальный статус человека. Основной смысл произведения, выраженный в его заглавии, заключается в этой идее. Интерпретация библейской притчи активизирует ассоциативный

потенциал читателя. Название повести, подчеркиваемое автором, формирует доминантную аллюзию, которая пронизывает всё произведение, обеспечивает параллельность повествовательных линий – библейской и авторской, превращая текст в сюжетную метафору и способствуя новому толкованию старой притчи о прощении.

В результате целенаправленного сопротивления схожих сюжетных линий читатель пересматривает классический сюжет, происходит переосмысление интертекстуальных взаимодействий. Структура повести организована таким образом, что создается эффект двойного параллелизма, поскольку основные сюжетные линии следуют исходной библейской модели. Однако А.С. Пушкин не просто цитирует библейскую притчу, а трактует ее по-своему. В первую очередь, через рассказчика автор стремится объяснить трагическую судьбу Самсона Вырина. По мнению автора, корень трагедии главного персонажа кроется в резком социальном неравенстве между верхним и нижним сословиями, а также в определяемом социальным статусом отношении представителей верхних чинов к низшим, к которым принадлежит герой.

Притча вступает в повествование естественным образом и с логической мотивацией на начальном этапе, во вступлении, где рассказчик начинает рассказ о своем друге из почтенного сословия станционных смотрителей, чья память ему дорога. Введение в библейский сюжет начинается с описания «смиренной, но опрятной обители».

Рассказчик разбирает изображения, представляющие историю блудного сына: на первой картине виден почтенный старик в колпаке и шлафроке, отпускающий беспокойного юношу, который спешит принять благословение и мешок с деньгами. На следующей картине живо изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и распутными женщинами. Затем, промотавшись, в рубище и треугольной шляпе юноша пасет свиней и участвует в их трапезе, на его лице читается глубокая печаль и раскаяние. В конце концов, изображено возвращение его к отцу: добрый старик, вновь в колпаке и шлафроке, бросается к нему навстречу; блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат спрашивает слугу о причине такой радости.

В «Станционном смотрителе» притча о блудном сыне представлена не в библейских реалиях, а в контексте современности. Это не только характеризует отношение Самсона Вырина к утрате дочери, но также подчеркивает общечеловеческий, вечный характер этой притчи. Автор осовременил ее, делая актуальной для своего времени и публики.

Ирония рассказчика в отношении «приличных немецких стихов», сопровождающих каждую из картинок в рассказе, добавляет слой сарказма и подчеркивает несоответствие между внешней «приличностью» и суровой реальностью, изображенной в истории о Самсоне Вырине. Эта ирония может свидетельствовать о некотором критическом отношении к культурным стереотипам и идеям о благополучии, представленным в том или ином виде в рассказе.

Через эти изображения притча органично вплетается в текст. Читатель получает прототекст, с которым аллюзия связывается после прочтения всего рассказа. Происходит диалог с исходным текстом, и после этого проявляется многозначность и амбивалентность библейского текста, который является «текстом на все времена». Подобное включение интекста в текст подчеркивает его актуальность как области для интерпретации автором и его направленность на диалог с читателем, создавая новые смыслы.

Взаимодействие сюжетных линий между известной евангельской притчей о блудном сыне и повестью «Станционный смотритель» создает уникальную семантическую игру между «реальным» и «ассоциативным», что формирует выразительную поэтическую оппозицию в тексте (Лк. 15).

Эпизоды, описывающие отца и сына из евангельской притчи, характеризуются высоким стилем языка, проникнутым художественными элементами. В нескольких предложениях охватывается весь пафос и философская глубина притчи. Старик-отец

изображается как добрый, благородный, всепрощающий старец, и в его характеристике отсутствуют языковые выражения, указывающие на стилистическую сниженность (Лк. 15).

Сын, несмотря на свои греховные поступки, изначально представлен с мягкостью и кротостью, без применения оскорбительных или грубых слов. Все изображения, связанные с притчей, несут поучительный и аллегорический характер, и рассказчик описывает эти сцены с доброжелательностью и простотой, придавая положительные черты этим персонажам (Лк. 15).

Эпизоды, связанные с главными героями повести «Станционный смотритель» – Самсоном Выриным и его дочерью Дуней – более эмоционально насыщены и противоречивы. С простых и нейтральных описаний автор постепенно переходит к более мрачным и грустным тонам. История дочери и отца лишена счастливого конца, поэтому автор использует различные портретные характеристики, эмоциональные пейзажи и символические краски, которые выражают неизбежное несчастье, вызванное неосторожными поступками дочери по отношению к своему единственному родителю.

Различие между эпизодами притчи и повести подчеркнуто ярко и выразительно в силу того, что Александр Сергеевич Пушкин в своем произведении акцентирует внимание на теме «маленького человека». Притча из Евангелия о возвращении блудного сына, схожая с печальной «историей жизни» бедного станционного смотрителя и его дочери (но с полностью отличным, радостным развитием), пафосный эпитаф, противоположный по смыслу грустному содержанию повести, противоположный истинному положению Самсона Вырина, по отношению к которому диктаторами выступают все, а также символическое название произведения – все эти элементы способствуют раскрытию глубины философских размышлений автора.

Используя библейскую притчу, писатель перемещает ее в новый социально-исторический контекст, толкуя в соответствии с моральными ценностями, которые имеют большую значимость как для него, так и для литераторов того периода. Тема «маленького человека» занимает центральное положение в литературе XIX века. Пушкин переосмысливает библейскую притчу, используя ее для воплощения своей концепции и оперируя ею, чтобы передать читателю идею о том, насколько важно жить, осознавать свои ошибки и грехи, и исправлять их в обществе близких, родных и окружающих.

Структура повести предоставляет Пушкину возможность воплотить свою концепцию, а не просто повторять библейскую притчу. Пушкин выстраивает свой рассказ так, что читатель может видеть действия героев и, анализируя эти поступки, внимательно вникать в душевное состояние персонажей, их мысли и чувства.

Вырин не обнаруживает того, что дочь он не готов простить и принять, он горестно сетует, думая о ее несчастной судьбе и грешном поведении. В притче важно не счастье блудного сына, а прощение и благословение отца. В евангельской притче дидактизм состоит в подчеркивании великодушия и всепрощения. Смысл притчи в прощении отца, в смиренной и радостной встрече блудного сына, вопреки укорам и недоумению старшего брата, который оставался с отцом. История блудного сына редуцирована, из нее изъята библейская мораль, которая несовместима с реалиями современной жизни. Притча предлагает идеальный вариант человеческих отношений – реалистическая повесть реальный.

Счастье и благополучие Дуни оттеняет нищету и одиночество отца, который скоро скончался после её отъезда. Исходя из вытекающего из конкретно-исторических обстоятельств развития сюжета, ход которых определен социальным статусом и беззащитностью маленького человека перед сильными мира сего: Дуня должна быть брошена гусаром после того, как он натешился ею, и оказаться в нищете на дне общества. Так видит ее жизнь Самсон, который ждет ее возвращения и готов принять и простить. Неслучайно Самсон Вырин видит судьбу Дуни как типическую, утверждая, что она не первая и не последняя простодушная девушка, соблазненная проезжим повесой и брошенная: «Много их молоденьких дур в Петербурге, сегодня в атласе, да в бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою».

Возникает полемика с библейской моралью: для Дуни прощение отца не является необходимым – её стремление к жизни с Минским обусловлено плотскими наслаждениями и желанием обрести богатство. Именно поэтому она приезжает поздно, отец не успевает ее принять и простить. В пушкинской современности отношения выстраиваются на основе социального статуса, богатства, а не библейской морали. Поэтому воссоединение блудной дочери и отца не состоялось, прощение отца не нужно в современной системе ценностей, Дуня прекрасно обходится без него, поскольку без него и даже вопреки родительской любви и заботе можно иметь богатство и высокий социальный статус.

А.С. Пушкин в своей повести исследует актуальные социокультурные реалии своего времени, подчеркивая изменение ценностных ориентиров и противоречие между современными и библейскими моральными нормами.

Таким образом, в повести «Станционный смотритель» Александра Пушкина библейские реминисценции выражены через использование евангельской притчи о блудном сыне. Эти реминисценции проявляются в различных аспектах повествования, создавая интертекстуальные связи с библейским текстом.

1. Название повести и эпиграф: само название «Станционный смотритель» и эпиграф с фразой «Коллежский регистратор, почтовой станции диктатор» направляют внимание читателя на тему «маленького человека». Здесь уже заметно влияние библейской притчи через использование термина «смотритель», который ассоциируется с отцом из евангельской истории.

2. Сюжетные параллели: основные события сюжета повести «Станционный смотритель» строятся на основе переклички с соответствующими эпизодами евангельской притчи, которые иронически представлены в виде рисунков с подписями. Ироническое отношение к рисункам, изображающим ключевые эпизоды притчи, вызвано тем, что в повести показана пропасть между библейской моралью, основанной на всепрощении и великодушии, и миром чистогана, отчужденным от морали. Отношения между главными героями, особенности их судеб и даже элементы сюжета выстраиваются по аналогии с библейскими прототипами, однако, библейская развязка исключается социально-историческими обстоятельствами, которые определяют сюжет повести и характеры героев, поскольку именно современная система отношений, в которой статус человека определяется его местом в социальной иерархии и его богатством, исключает построение отношений между людьми на основе моральных, а не материальных ценностей, и возможность справедливости.

3. Изображения и символика: в тексте повести можно выделить изображения и символику, которые восходят к библейской притче. Например, через описание картин, изображающих блудного сына, создающих визуальные ассоциации с этой библейской историей.

4. Аллюзии и интертекстуальные элементы: А.С. Пушкин использует аллюзии и интертекстуальные элементы, например, при введении притчи в текст. Через эти элементы проявляется влияние библейского текста и предоставляется читателю возможность увидеть параллели между произведением Пушкина и библейской притчей.

Таким образом, библейские реминисценции в «Станционном смотрителе» выражены через параллели между сюжетом повести и Притчей о блудном сыне, использованием библейской символики, изображением библейского сюжета как интертекстуальных элементов, благодаря которым осуществляется диалог современного произведения с библейской притчей, придающий остроту и значимость нравственной проблематике повести.

Список литературы:

1. Барт Р. От произведения к тексту.// Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. — М.: 489 с. - Текст: непосредственный.

2. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967) // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова – М.: ИГ Прогресс, 2000 – 428 с. – Текст : непосредственный.
3. Пушкин, А.С. Станционный смотритель. Сочинение в 3-х томах.- М.,1986.-т.3. – с.75-84. – Текст : непосредственный.
4. Хализев В.Е. Теория литературы. М. : Высш. школа, 2000. С. 203. – Текст : непосредственный.

